

*Домик управляющего
сельскохозяйственной фермы*

сомнительных компромиссов и обходных путей. И не отступался. Шёл напролом прямою дорогой до самого конца...

Существование и деятельность Корнилова как личности ничем не обусловлено и не предопределено. Это тот субъективный фактор, который вопреки всему может повлиять

на ход событий и даже вмешаться в ход событий на переломе истории. Трудно предположить, что кто-то, кроме него, мог объединить вокруг себя те незначительные, но дееспособные силы, которые с первых же дней столь громко о себе заявили....

Останься он жив, возможно, всё дальнейшее происходило бы в чём-то по-другому. Как, можно лишь предполагать, а знать наверняка, никому не дано. Но не подлежит сомнению другое.

Не будь Корнилова, не было бы ни Дроздовского, ни Похода, ни самой Добровольческой армии. Не было бы и «Анабазиса» добровольческого движения, который Командующий, сам того не ведая, возводил день за днём и кирпичик за кирпичиком до самой своей смерти...

6.12.7. Отступление. Атака бригады Эрдели

Армейский механизм основан в том числе и на взаимозаменяемости всех звеньев, сверху донизу и по горизонтали. Гибель командира может привести к временной потере управления, боеспособности и утрате боевого духа. Но части и подразделения в одночасье не умирают. Это живые организмы, нацеленные на восстановление.

Едва повозка с телами Корнилова и Неженцева скрылась из глаз, к Деникину подошёл Романовский и спросил буднично и просто:

– Вы примете Армию?

– Да, – коротко ответил генерал.

Тут же была составлена записка Алексееву с предложением

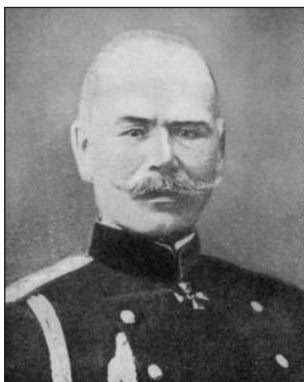
немедленно прибыть на ферму⁴⁴⁴. Ко времени его прибытия штаб уже перешёл в конец рощи и расположился под открытым небом на перекрёстке дорог.

– Ну, Антон Иванович, принимайте тяжёлое наследство, – без обиняков обратился к Деникину Алексеев. – Помогай вам Бог...

Романовский с Алексеевым составили текст приказа. Возникли технические сложности. Непонятно было, как определить должность Алексеева. После некоторых раздумий Романовский предложил: «Напишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

В результате приказ был составлен в следующем виде:

«Приказ по Армии

М.В. Алексеев

§1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 час. 30 мин. 31 сего марта убит Генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести её позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам. Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продол-

⁴⁴⁴ Любопытно, что записка была составлена в форме рапорта. Тем самым Деникин, фактически уже вступивший в должность Командующего, подтверждал номинальное право Алексеева на главенствующую роль в созданной им организации. Вот её текст: «Доношу, что в 7 часов 20 минут в помещении штаба был смертельно ранен Генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой Армии. 31 марта. 7 часов 40 минут. №75. Генерал Деникин»

жать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несём свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову, нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§2

В командование армией вступить генералу Деникину.

Генерал от инфантерии Алексеев»

На этом «официальная часть» вступления в должность нового Командующего и завершилась. Позднее многие выражали своё недоумение. Деникина в Армии даже и знали далеко не все добровольцы. Должность его, заместителя Корнилова, представлялась весьма неопределенной. Частями и подразделениями Деникин в походе не командовал, в боях как начальник участия не принимал. Как возможную альтернативу называли генерала Маркова. Впрочем, всем было понятно, что новый Командующий принял Армию не перед парадом, а практически после разгрома⁴⁴⁵. И руководствовался чем угодно, но не вызывавшим честолубием.

Думается, из всех возможных был выбран не худший вариант. Марков был хорош в бою, в линии. Отдались он от неё, ещё неизвестно, чем бы всё обернулось. Для того же, чтобы спасти людей, требовалось нечто иное. И если Корнилов, несмотря ни

⁴⁴⁵ «Когда был убит Корнилов, – пишет Александров, – то положение Деникина представлялось настолько трудным, что нужно удивляться, как он из него вышел...

Деникину пришлось принять Армию в момент минимума её моральных сил и даже при отрицательном количестве сил материальных, ибо последние, слагаясь главным образом из боеспособных человеческих элементов, перевешивались огромным числом раненых, т.е. небоеспособных...

Истомлённые, потерявшие веру в успех и в своё личное спасение, окружённые превосходными силами красных, угрожавших захватить Армию в крепкие, уже сжимающиеся клещи, – войска пали духом...

Большевики... понесли под Екатеринодаром колоссальные потери... Но остающиеся их силы, хотя и потрёпанные, были всё же слишком велики и своей массой могли вновь охватить и раздавить добровольцев.

От Деникина требовалось немедленно какое-то действие, и этим действием был отход от Екатеринодара в мрачную неизвестность...»

на что, видел спасение в штурме города и шёл ва-банк, то Деникин столь же решительно выводил остатки Армии из-под удара. Так или иначе, но выбор был сделан...

Возле дороги на расстеленных бурках сели вокруг Деникин, Алексеев, Романовский и прибывший Кубанский атаман Филимонов. Деникин коротко обрисовал своё видение сложившейся обстановки и дальнейших перспектив. Они воодушевления не вызывали. Положение с ночи ухудшилось.

Офицерский полк продолжал удерживать территорию артиллерийских казарм за исключением нескольких зданий за южным фасом, захваченных большевиками. В полку насчитывалось свыше 1000 штыков, и боеспособность он сохранил. 1-й Кубанский стрелковый – приводил себя в порядок, находясь в ближнем тылу.

Корниловский полк в четыреста штыков в большинстве из мобилизованных казаков занимал весь левый фланг и не был ещё смят и уничтожен окончательно в силу нерешительности советского командования и отчаянной стрельбы пулемётчиков, не дававших красногвардейцам пойти в последнюю атаку. На левый фланг «корниловцев» был направлен Партизанский полк. Но в его составе оставалось не более 300 штыков.

Кавалерийская бригада под угрозой охвата вышедшей на левый фланг неприятельской конницы вынуждена была отойти в Сады. Дальнейшее её отступление оставалось лишь делом времени.

Артиллерия молчала. Лишь, стараясь избежать потерь, отводила раз за разом передки из-под обстрела. Уже к вечеру 30 марта (12 апреля) в 1-й батарее оставалось 4 снаряда шрапнели и 3 гранаты⁴⁴⁶.

Преимущество противника как в численности, так и в техническом оснащении стало подавляющим. Но главное заключалось не в этом. Наступал предел человеческим возможностям. Четыре дня непрерывных боёв, огромные потери и, наконец, гибель Командующего, с именем которого связывалось *всё*,

⁴⁴⁶ В преддверии запланированной Корниловым атаки города до чинов батареи дошёл слух о том, что у орудий оставят лишь караул, а людей отправят в линию. Пеших – в пехотные цепи, ездовых – в кавалерийскую часть.

Л.Г. Корнилов

Да это ничего бы и не дало. Наличие железнодорожной ветки позволяло большевиками прижать Армию к левому берегу Кубани куда вернее, чем к правому. Оставалась одна возможность – двигаться на север. Деникин приказал отходить в общем направлении на станицу Старовеличковскую.

Прибыл Марков, но не долго оставался на ферме. Получив приказ, незамедлительно усакал обратно. У дороги над берегом Кубани стоял взвод 1-й инженерной роты. Командир его, держа руку под козырёк, пошёл навстречу и обратился к придержавшему коня генералу:

- Ваше Превосходительство! Генерал Корнилов... убит?
- Убит. Но об этом никому ни слова.

Вернувшись в свой штаб, Марков конфиденциально сообщил обо всём Боровскому, Тимановскому и ещё нескольким

сломили добровольцев физически и морально. Боевой дух иссяк. Армия в значительной степени утратила свою боеспособность, которая одна только и позволяла рассчитывать на успех.

Изложив всё это, Деникин озвучил своё решение: с наступлением темноты снять осаду Екатеринодара и ускоренным маршем уходить как можно дальше от города. Возражений не последовало. Ориентируясь на советы Филимонова, лучше других осведомлённого о настроениях казаков в близлежащих станицах, обсуждали маршрут отхода.

Выбор был невелик. Путь на восток преграждал Екатеринодар. На запад – плавни, море и поселения иногородних с формированиями местной Красной гвардии едва ли не в каждой станице. Вновь переправиться через Кубань, соприкасаясь по всей линии с превосходящим противником, было невозможно.

офицерам, которым необходимо было приступить к подготовке отступления немедленно. В части же продолжали поступать распоряжения за подписью самого генерала. Сохранить секретность в какой-то мере удалось. О смерти Корнилова многие добровольцы 1-й бригады не знали ещё длительное время. Большинство ни о чём другом, кроме предстоящей атаки, даже и не думали. Тем более что последовал повторный приказ прикрепить к головным уборам белые ленты.

Офицерскому полку надлежало перед отходом произвести демонстрацию атаки. День прошёл как-то незаметно. Стороны активных действий не предпринимали. Люди привыкли к непрерывному обстрелу, и перестрелка перестала их угнетать. Сгустились сумерки. Стрельба постепенно стихала.

Вдруг в ночи в середине расположения Офицерского полка раздалось громкое «ура», разом заговорили несколько пулемётов, и добровольцы поддержали их перестук, расстреляв по обойме. В ответ противник открыл ответный ураганный огонь. Полк давно замолчал, но долго ещё красногвардейцы продолжали обстреливать казармы⁴⁴⁷.

⁴⁴⁷ Вопреки расхожему мнению в Екатеринодаре далеко не сразу узнали о смерти Корнилова. Вот что пишет И.Л. Хижняк: «Утром 14 апреля нас удивило и насторожило странное затишье. Мы ещё не знали о гибели Корнилова, предполагали, что его войска производят перегруппировку перед генеральным штурмом города».

Лишь утром 3(18) апреля комиссар Юго-Восточного района член ЦИК Тарасов доносил в Кремль: «Только что вернулся с обследования фронта. Сегодня в ночь произошли крупные перемены: наши в ночной энергичной атаке отбросили контрреволюционные войска Корнилова от Екатеринодара на 12 вёрст и окружили его кольцом. Контрреволюционеры понесли большие потери. В ночном наступлении командовал наступлением. В настоящее время банда Корнилова преследуется. Я находился в штабе. В стц. Елисаветинской наши войска надеются сегодня в ночь выбить [противника]. Ввиду открытых позиций наступление тормозится за неимением бронированных автомобилей».

В беседах главнокомандующий Автономов жалуется на недостаток снаряжения и неимение в достаточном количестве винтовок, автомобилей и аэропланов, а также неимение денег. Силы имеются – свыше 75 тысяч, содержать нечем.

Прошу при получении немедленно разобраться и выслать деньги на содержание армии срочно, промедление высылки задержит борьбу с контрреволюционерами».

Как видно, Советское командование едва ли представляло общую картину отступления добровольцев от Екатеринодара.

Роты одна за другой покидали позиции и уходили к кожевенным заводам. Там, под прикрытием арьергарда полк выстроился в колонну и около 20 часов проследовал к ферме. Не доходя до неё, «марковцы» повернулись лицом к городу и, оседлав дороги, стали заслоном.

Здесь добровольцам сообщили о смерти Корнилова. Стояли продолжительное время, и в цепях заводили друг с другом неизбежные разговоры. Обсуждали смерть Командующего и наступившую с ней неопределённость.

– Куда мы теперь пойдём? – спросил громко один из офицеров.

– Куда?! Куда глаза глядят! – ответил другой. – Начальство знает куда.

Неожиданно рядом оказался шедший вдоль цепи Марков.

– Да, генерал Корнилов убит! – сказал он. – Мы почти окружены. Дальнейшее всё будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке.

В другом месте говорили о Деникине.

– Он был в обозе. Его не знают, и как можно ему довериться? Генерал Марков. Вот единственный генерал, завоевавший к себе полное доверие, исключительную преданность, любовь, исключительный авторитет! Только он должен стать во главе Армии!.. – утверждал кто-то.

А.И. Деникин

Ему возражали, что ещё в Ольгинской Корнилов назначил своим заместителем Деникина. Спор то затихал, то разгорался с новой силой. Наконец, последовала команда строиться. Цепи свернулись в ротные походные колонны. К одной из них подъехал Марков и, обращая ко всем, кто мог его услышать, сказал:

– Армию принял генерал Деникин. Беспokoиться за её судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе...

На этом все разговоры прекратились.

На левом фланге Партизанский полк вышел к линии «корниловцев» ближе к полудню. Уже здесь Казанович получил известие о смерти Корнилова и о вступлении в должность Командующего генерала Деникина. Едва «партизаны» развернулись в цепь левее Корниловского полка, навстречу потянулась отходящая добровольческая кавалерия⁴⁴⁸, а вслед за ней стала выходить и спешенная конница противника⁴⁴⁹.

Однако, вытеснив из Садов передовые подразделения бригады Эрдели, дальше опушки советские кавалеристы не продвинулись, ограничившись обстрелом «партизан». Огонь вёлся с дальней дистанции и ущерб не причинял. Добровольцы не отвечали, так как патроны были на исходе. Простояв так несколько часов, к вечеру Казанович получил новый приказ: отступить с наступлением темноты.

Двумя колоннами Армия стала продвигаться в северном направлении. Боевые части снимались с позиций под Екатеринодаром. 1-я бригада отходила к штабу. У фермы к ней присоединилась вышедшая из подчинения Богаевского 1-я батарея. В рощице у штаба два бригадных командира коротко переговорили друг с другом. Оба сошлись на том, что придётся, видимо думать о прекращении борьбы и распылении Армии. Впрочем проходившие мимо части, даже несколько прибодрились. Сиюминутное облегчение, связанное с выходом из-под обстрела, перевесило на время все обрушившиеся несчастья, последствия которых грозили скорой катастрофой. И генералы, как и рядовые добровольцы, не теряли пока надежды.

1-я бригада прошла мимо фермы и повернула на север. В арьергард к ней пристраивались по частям 2-я. Сформировав-

⁴⁴⁸ Основная масса конницы Эрдели в ночь на 1(14) апреля занимала ещё западную окраину садов. На участок Партизанского полка вышли лишь отдельные подразделения и одиночные всадники.

⁴⁴⁹ Накануне советское командование сочло, что настала пора переходить к активным действиям. От оборонительной тактики ещё не отказывались, но для охвата левого фланга Добровольческой армии из отрядов Кочубея, Мироненко, Воронова и других, успевших отличиться командиров, была сформирована конная группа. Задачей её являлось не только вытеснение бригады Эрдели, но в перспективе и обход Армии с последующим ударом в тыл.

шаяся колонна двинулась на станицу Нововеличковскую. Части заметно поределели. И не только из-за боевых потерь. Большинство оставшихся ещё в полках мобилизованных казаков поспешили разойтись по домам. В Корниловском полку насчитывалось после их ухода едва 100 штыков.

От Елизаветинской, растянувшись на многие километры, тронулся прикрываемый Чехословацким батальоном обоз⁴⁵⁰. Вначале предполагалось двигаться на Новотитаровскую, но близость железной дороги⁴⁵¹ заставила сразу же отклониться левее, едва ли не в противоположную сторону. «Главные силы» следовали через Марьяновские и Мышастовские хутора и лишь оттуда повернули на Андреевскую.

В Елизаветинской были оставлены «на милость победителя» 64 тяжёлых раненых. С ними доктор и сёстры милосердия. Большинство из них погибли. Уцелели лишь 14 человек, которых разобрали по домам и не выдали впоследствии казаки⁴⁵².

Переход между тем действительно получился ускоренным. До рассвета Армия прошла свыше 25 километров. Но и после этого колонна не останавливалась и продолжала движение. Не удержи-

⁴⁵⁰ Для охраны обоза из состава 1-й бригады были также выделены пеший взвод, пулемётная команда и два орудия 1-й батареи (два остальных орудия шли в общей колонне), а также несколько добровольцев Офицерского полка под командой подполковника Михайлова.

⁴⁵¹ Ещё до снятия осады Екатеринодара один из разъездов Эрдели выявил в Новотитаровской значительный отряд Красной гвардии.

⁴⁵² Многие, и в частности, Р. Гуль позже ставили это в вину новому Командующему, утверждая, что при погибшем Корнилове подобного не случилось бы. Но вот что весьма здраво пишет по этому поводу Александров: «...при отходе от Екатеринодара пришлось оставить часть раненых, преимущественно с тяжёлыми ранениями. Это произвело тягостное впечатление...

И в Армии, и впоследствии в печати часто слышались жестокие нападки на Деникина. Те, кто писали и говорили, очевидно, не хотели понять неизбежной необходимости такой меры, стоившей Деникину больших душевных переживаний.

При этом очень часто, сравнивая Деникина с Корниловым, заявляли, что Корнилов никогда бы не бросил своих раненых. Если Деникину и пришлось решиться на такое тяжкое мероприятие, то почём знать, что бы в данном случае сделала бы железная рука Корнилова, не останавливающаяся вообще ни перед чем.

А тот же неумолимый рок заставил Корнилова, при выходе в феврале из Ростова, оставить многих раненых на Дону».

вались даже в попадавшихся тут и там хуторах. Настроение было подавленное. Шли молча, понуро опустив головы. И не слышно было «Журавля». Отход от Екатеринодара, гибель Корнилова и огромные потери повлияли на добровольцев угнетающе.

Утрата боевого духа проявлялась временами зримо. К утру один из конных разъездов бокового охранения был обнаружен и обстрелян с советского бронепоезда. Отдалённые звуки артиллерийской стрельбы произвели на колонну тягостное впечатление. И хотя снаряды легли далеко в стороне, вне поля зрения, люди стали суетиться, обнаруживая стремление взять в противоположную от стрельбы сторону. Ничего подобного ранее не было, да и быть не могло.

Части перемешались. Многие отставали и далее следовали уже с чужими ротами. Отдельные подразделения шли уже вне строя, каждое само по себе. Так могла отступать лишь армия, солдаты которой в большинстве своём считали, что дело их уже проиграно.

Люди и раньше бывали вымотаны непрерывными маршами, но никогда не охватывали их апатия и безразличие. Даже звуки боя за спиной, где добровольческая конница, жертвуя собой, сдерживала наступающего противника, не произвели заметного впечатления.

А боестолкновение между тем разворачивалось весьма масштабное. Оно и явилось последним аккордом кровопролитной и несчастливой для добровольцев екатеринодарской эпопеи.

31 марта (13 апреля) Эрдели в ожидании штурма стянул бригаду в кулак в непосредственной близости от городских окраин. Однако вместо приказа атаковать пришло сообщение о смерти Корнилова. После полудня Деникин сообщил о своём решении снять осаду и уходить от города. При этом Конной бригаде предписывалось прикрыть с правого фланга отходящие части и обоз.

Не испытывая сильного давления со стороны медленно продвигающихся от Екатеринодара советских отрядов, кавалеристы Эрдели заночевали у западной опушки Садов. Некоторым конникам посчастливилось отдохнуть в занятых садовых

домиках и экономиях, большая же часть расположилась непосредственно у плетней.

С утра 1(14) апреля красногвардейцы повели наступление. Завязалась перестрелка с передовыми подразделениями бригады. У добровольцев, передавших накануне значительный запас патронов в пехотные части, а также и своим пулемётчикам, оставалось в среднем не более трёх обойм на человека. Расстреляв их в течение получаса, конники поспешили сесть в сёдла и выйти из боя. Следом за ними продвигались от садов густые цепи противника.

Отступив и окончательно оставив сады, конница сосредоточилась к югу от них. Части выстроились в резервных колоннах фронтом на восток. Вышедшие из перестрелки подразделения выравнивались по своим эскадронам. На вершине одного из холмов стал штаб.

Показавшиеся вдалеке солдатские цепи не атаковали бригаду. Развернувшись, они группами стали продвигаться вдоль её фронта к югу. Эрдели не знал наверняка, далеко ли ушли и ушли ли вообще Армия и обоз. Но понимал другое. Пропусти бригада красногвардейцев, они немедленно выходили на пути отхода Армии к кожевенным заводам, ферме и к Елизаветинской. Имея приказ прикрывать отступление, генерал его и выполнил. Патронов у большинства кавалеристов почти уже не оставалось. Теперь остановить противника возможно было, лишь атаковав его в конном строю.

Командиры полков спустились с холма. От них поскакали к сотням и эскадронам ординарцы и передали приказ: «Приготовиться к атаке, подтянуть подпруги, проверить холодное оружие и выбросить из сум всё лишнее». Более опытные кавалеристы отнеслись к этому со всей серьёзностью. Бурки были сброшены и вместе с «имуществом» припрятаны до поры под скирдами. В атаку по понятным причинам предпочитают ходить налегке. Вот уже раздалась команда садиться по коням. Ещё минута, и по сигналу сотенные командиры, выехав перед строем на уставную дистанцию, обернулись в сёдлах и, указывая на противника, выкрикнули: «В атаку! Шашки – вон! Рысью – ма-арш!»

Конница, набирая ход, устремилась в атаку. До большевиков оставалось не более тысячи шагов. Ротные колонны их останавливались и поворачивались фронтом к приближающейся конной лаве. Видимо, большинство красногвардейцев успели «понюхать пороху». Паники в их рядах заметно не было. В Сады никто не побежал. Напротив, спокойно и деловито солдаты рассыпались в цепь, и начали уже постреливать.

Вначале конники продвигались по твёрдому грунту и стремительно сближались с противником. Перешли даже на намёт. Но тут, как часто бывает при вынужденной, а потому неподготовленной атаке, твёрдое покрытие под копытами сменилось на целину пахотного поля. Кавалеристы завязли на нём. Темп атаки был потерян.

С расстояния в 400 шагов красногвардейцы стреляли залпами. Тут и там падали лошади, и всадники валились с сёдел. Ещё немного, и кавалеристы спустились в низину. Она не укрыла их от обстрела, но обернулась куда большей неприятностью. Талая вода скопилась после дождей, образовав протяжённое болото. Тем не менее, атака не прекращалась. Лошади, иногда и шагом, продвигались вперёд. До противника оставалось 150-200 шагов. Солдаты выстроились в две линии. Первая стреляла с колена, вторая – стоя. Стала понятной и причина их стойкости. Среди разношерстных групп красногвардейцев и солдатских шинелей выделялись характерными головными уборами пластуны-кубанцы. И беглым огнём расстреливали кубанских же конников в упор. Пламя гражданской войны разгоралось всё сильнее, но многие не могли привыкнуть к тому, что в ней свои стреляли в своих.

Именно на этих последних десятках метров бригада Эрдели потеряла немалую часть своего состава. Некоторые, не видя выбитых из сёдел соседей, сами произвольно стали укорачивать повод⁴⁵³. Но тут атакующие вновь вышли на ровный грунт. Уже не лавой, но уцелевшими кучками врезались в первую линию противника. Началась рубка, но смять большевиков так

⁴⁵³ В этот момент далеко вперёд вырвался командир 1-го Конного полковник Глазенап. Своим примером он увлёк заколебавшиеся было эскадроны за собой.

И.Г. Эрдели

и не удалось. Численное превосходство было на их стороне. К тому же вторая линия с короткой дистанции продолжала вести огонь, расстреливая добровольцев на выбор.

Бой разбился на эпизоды. По всему полю группы из трёх-четырёх кавалеристов рубили сбившиеся в кучу пехотные отделения, а те отбивались штыками и прикладами. Стрельба не прекращалась. Всё меньше оставалось с обеих сторон живых, и всё больше тел лежало на земле.

Глазенап с десятком офицеров устремился к советской батарее, бывшей по коннице очередями. Под ним пала раненая в атаке лошадь. Подскакавший к командиру сотник Чурюкин спешился и посадил его на своего коня. Сам побежал рядом. Не проехав и сотни шагов, Глазенап получил ранение в руку. Рядом с ним ранило в ноги и сотника. Теперь уже полковник посадил Чурюкина на пойманную лошадь. Ведя её на поводу, Глазенап выбрался к месту атаки.

Одиночки, проскочившие с разгона через большевистскую цепь, увидели вдруг, что очутились во вражеском тылу, и спешили вернуться к своим. Атака окончательно захлебнулась. Лишившиеся командиров конники поворачивали коней и выходили из боя. Солдаты и пластуны также подавались назад.

Вышли вначале к случайному куреню, где стояли не преодолевшие вспаханный участок «елизаветинцы». Оттуда проследовали к указанному месту сбора. Потери были огромными. Из 700 конников 1-го Кубанского к полковому значку собрались не более 200. Остальные легли⁴⁵⁴.

⁴⁵⁴ Погибли почти все сотенные командиры, и в их числе сотник Г.А. Рашпиль, сделавший всё возможное, чтобы конники не повернули назад, и атака не захлебнулась в самом начале. По занятии Екатеринодара останки его были перевезены и торжественно перезахоронены в городе. Погибла и прапорщик 1-го эскадрона баронесса София де Бодэ, которую все в один голос характеризовали, как «отличного и храброго офицера».

Но жертва их в любом случае не оказалась напрасной. Расстроенные красновардейские отряды поспешили отойти в Сады и на долгое время от активных действий отказались. Армия избежала энергичного преследования, которое, весьма вероятно, в несколько часов решило бы её судьбу.

К вечеру остатки бригады Эрдели, никем не преследуемые, стали отходить в северо-западном направлении⁴⁵⁵.

6.13. Андреевская. Колония Гначбау

К полудню 1(14) апреля колонна, состоявшая из строевых частей, подходила уже к станице Андреевской. В голове шёл Офицерский полк, пострадавший меньше остальных. В арьергарде – остатки 2-й бригады Богаевского.

⁴⁵⁵ Принято считать, что конница Эрдели, пожертвовав собой, спасла Армию от флангового удара, который неизбежно привёл бы к её уничтожению. Вот слова Александра: «В то время, когда части пехоты были ещё далеко, как бы на дне образовавшегося мешка, в котором очутилась Армия, и оставшийся узкий выход с минуты на минуту мог затянуться, – на конницу выпала задача оттеснить большевиков и дать возможность Армии выйти из давившего её окружения...

Конница исполнила повеление своего нового Командующего...

Готовое зажаться кольцо разжалось. Армия была спасена».

Но к утру, тем более, ближе к полудню, 1(14) апреля, когда Эрдели повёл свою бригаду в атаку, Армия удалилась от Екатеринодара на 25-30 километров и подходила уже к станице Андреевской. Ни о каком окружении и мешке, на дне которого застряли, якобы, пехотные части, не могло быть и речи. При определённом стечении обстоятельств большевики, пропусти их конница, могли перехватить лишь хвост растянувшегося от Елизаветинской обоза.

Дату и время атаки (первая половина дня 1(14) апреля) называют вполне определённо как Павлов, так и непосредственный её участник полковник В. Черешнев (Вестник первопоходника №8 за 1962 год). Более того, Павлов прямо говорит, что слышавшиеся справа звуки боя, «где конная бригада, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь Армии», доносились до колонны Офицерского полка, когда он отошёл уже от города на 25-30 километров.

Справедливости ради, следует отметить, что сам Александров, а вслед за ним и Какурин, утверждают, что атака была произведена 31 марта (13 апреля), но, думается, они сознательно сдвигают события на день ранее, именно для того, чтобы подтвердить красивую легенду о спасении зажатой в полуокружении Армии пожертвовавшей собой Конной бригадой.

Будь это так, многочисленные эмигрантские источники вряд ли уделили столь значимому эпизоду в лучшем случае по две-три строчки.

Вопрос, впрочем, остаётся открытым.